

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на переплете *С. Дудина*

Звездная, Елена.

3-43 Махинация / Елена Звездная. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с. — (Звездное Настроение).

ISBN 978-5-04-101839-9

На Рейтانه женщина никогда не снимает перчатки. Но если хочешь сохранить свободу — не пытайся узнать почему. Кадеты S-класса всегда выполняют поставленную задачу. Но если не готов потерять всё — не спрашивай о цене.

Он — третий правитель Рейтана, правая рука главы планеты. Его стихия — хладнокровные убийства, нелегальная торговля и шантаж, если потребуется. Она — специалист высочайшего уровня языковой службы Гаэры, запретившая себе любые чувства и имеющая в перспективе блестящую карьеру.

Им обоим было что терять.

Но он протянет руку, она вложит пальцы в его ладонь.

Когда кошмары и мечты объединяются против тебя, просто доверься тому, кого любишь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Звездная Е., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101839-9

Махинация

Я сидела в дорогом ресторане у самого окна, поглядывая на столицу Гаэры с двухсотого этажа, и медленно пила кофе с карамелью и сливками. Удовольствие, которое я, как и любой спецгент моего уровня, могла себе позволить не чаще раза в месяц. Идеальный кофе в идеальном месте...

В Эранеспрингс делали, на мой взгляд, лучший кофе на Гаэре, поэтому раз в месяц я позволяла себе наслаждаться вкусом, наслаждаться видом, наслаждаться стильной обстановкой, полупустым залом ресторана и в целом наслаждаться жизнью.

Это практически все, что у меня осталось — вкусный кофе с карамелью и сливками каждый последний понедельник месяца и работа. В принципе, в основном была работа, а кофе это так — яркий момент, придающий немного цвета моей жизни.

Было забавно сидеть и смотреть на мегаполис с такой высоты... Казалось, ты здесь, высоко, паришь над всеми проблемами, суетой, предательством, женихом, которого обнаружила на своей подруге... без одежды и в положении, которое оставляло мало простора для двусмысленности... Выслушивать его попытки объясниться я не ста-

ла. Просто ушла. И, сидя здесь, на высоте двухсот этажей, медленно водя пальцем по сейру, отменяла аренду зала, покупку свадебного платья, бронь отеля на островах. Отмена... отмена... отмена... От священника тогда в ответ пришел вопрос: «Вы хотите поговорить об этом?» Ответила: «Нет». Не хотела. Ни с кем и ни о чем.

Сложнее всего было написать шефу, но, собравшись с силами, я отправила сообщение по внутренней почте: «Отпуск уже не требуется». Ответ пришел спустя несколько минут: «Он дерсенг линияый». Я улыбнулась сквозь слезы, текущие по щекам непрерывно все то время, пока я сидела здесь, медленно, по глотку, пытаясь пить кофе, казавшийся почти безвкусным.

С того момента прошло три года.

Гилбен и Ненни поженились, я присутствовала на свадьбе как подружка невесты. Улыбалась, фотографировалась, выдержала практически до конца. Обвинять? Сложно обвинять брачующихся на последнем месяце беременности — большую часть свадьбы Ненни была вынуждена вообще просидеть, на второй день после — родила. Гилбен слегка забыл забрать ее из роддома, и единственным человеком, которому она смогла позвонить, была я. Естественно, для начала я отправилась узнать, какого бракованного навигатора, Гилбен не с женой в роддоме, не нашла его и отправила сообщение шефу, что мне требуется покинуть рабочее место, была уверена, что отпустит, я впервые вообще с работы отпрашивалась, а он неожиданно ответил: «Зайди».

Когда я вошла в кабинет к Полиглоту, как мы между собой шефа называли, обнаружила Гилбена, Эрсанну, недавно после выпуска попавшую к нам, и службу внутренней безопасности. На руках Гилбена были наручники, Эрсанна рыдала в потрепанном платье и держала на

руках «волчий билет» — черный трудовой сейр. Черный. Для кадета S-класса это было не просто плохо, это была гарантия чистки памяти.

— Уводите, — едва я вошла, приказал шеф.

Я даже не знала, что сказать.

Кроме разве что:

— Шеф, у него ребенок родился... только что.

— Второй не родится, — мрачно глянув на Эрсанну, произнес Полиглот.

Меня передернуло. Ее тоже. Гилбену было все равно, и, помню, меня тогда именно это поразило — ему было все равно. Когда его выводили, он даже не глянул на меня, не спросил ничего... У него ведь ребенок родился, а он... Эрсанну пришлось выносить, она отказывалась идти, и я видела, что ее прямо в коридоре передали с рук на руки спецам из Института Мозга...

— Зайди, — повторил Полиглот.

Молча вошла в кабинет, села на самый краешек стула, напряженно глядя на шефа и не зная... что сказать вообще. Больше всего напугали слова про «второй не родится», но я не представляла даже, как спросить. Судя по черному трудовому сейру, решение уже было принято, обжалованию, соответственно, не подлежало, и в целом тело кадета S-класса принадлежит государству, до определенного количества лет отработки о детях и говорить нечего, да большинству и незачем — специфика обучения такова, что мы всецело отдаемся работе и в ней нет места личным взаимоотношениям... а Гилбен, он просто... мы работали вместе, он умел ухаживать, не мешал моей работе и... подмешивал специальные гормоны в кофе по утрам, как выяснилось позднее. Гораздо позднее.

— Секс на рабочем месте, естественно, нарушение правопорядка, — начал Полиглот, глядя не на меня — на

возникший экран перед ним, — но не преступление. Естественно, мы следим за сотрудниками, естественно, в процессе сложной работы иногда случается... снятие стресса подобным образом... Но они прокололись на этом!

И экран развернули ко мне.

В следующее мгновение я была вынуждена сесть удобнее, потому что был шанс рухнуть на пол.

Эрсанна передавала информацию. Танаргцам. По закодированному каналу. Из моего кабинета.

Затем момент, который откровенно потряс: она стащила ключ от моего кабинета. Единственный ключ! Из стола Гилбена. Я так и не забрала, как-то забылось за всеми прошедшими «событиями». Шеф и я заходили просто по скану лица, а для моего бывшего «жениха» было сделано исключение... И вот они, последствия.

— Самое паршивое, — продолжил Полиглот, — что я нутром чую — это его работа. Его, понимаешь. И он девочку подставил по всем статьям, но...

Кадры сменяются кадрами, и я вижу только два варианта действий — секс их двоих и поступки Эрсанны. Она воровала информацию с сейра Гилбена, когда он выходил, и пересылала ее из моего кабинета, подставляя меня.

— У девочки были прекрасные характеристики, — продолжил шеф, — способности, ее ждало великолепное будущее, вот скажи мне — к чему ей это?!

Я не знала даже, что можно было сказать.

— Против Гилбена нет никаких улик, доказательств, ничего, — продолжил ожесточенно шеф, — ни-че-го. Но единственный в этой паре, кому требовались деньги, — он.

Я недоуменно посмотрела на начальника.

— Удивлена? — Полиглот прищурил серовато-белые,

почти прозрачные глаза, в которых зримым оставался только зрачок, и от этого взгляд нашего руководителя был жутким. Но сейчас пугал не он, пугало непонимание ситуации.

Укоризненно посмотрев на меня, шеф тяжело вздохнул, и началось:

— Лея, а ну-ка вспомни, в чьей квартире вы жили, кто оплачивал свадьбу, платье, священника и, в принципе, все?

Я оплачивала... У меня квартира положена по статусу кадета S-класса, и зарплата тоже выше, да и просто я никогда особо деньги не тратила — не на что было.

— Кадеты S-класса, — укоризненно покачал головой Полиглот. — Ты, в принципе, знаешь, сколько стоит аренда квартиры в центре столицы?

Не знала...

Вновь покачав головой, шеф сообщил:

— У Гилбена нет госфинансирования, четыре последовательно сдаваемых экзамена на уровень S-класса он провалил. Тесты сдавал практически на «отлично», экзамены провалил все. Соответственно, его зарплата в десять раз ниже твоей, а живя за твой счет, он привык к высококлассному жилью, отличным флайтам, определенному уровню жизни. На данный момент, вынужденный жениться на обычной сотруднице, он находится в глубокой финансовой... пусть будет яме. И вот риторический вопрос: кому нужны были деньги? Кадету S-класса с оплачиваемым жильем или мужику, женившемуся по залету, просрочившему все платежи по кредитам и не способному оплачивать квартиру, из которой не захотел съезжать?

Не знала... Я съехала, не хотела больше спать на постели, где они...

— Я очень надеюсь на то, что внутренняя служба выбьет из него признание, — сказал тогда шеф.

Не выбила.

Спустя несколько месяцев полностью оправданный Гилбен вернулся в Языковое управление, снова слегка «забыв» забрать жену из пригорода, куда я была вынуждена отвезти Ненни с малышом к ее родителям. Но он ее исправно навещал, да, поэтому детей теперь у них было двое, а вот Эрсанна даже после чистки памяти была переведена на отдаленную планету в глубоком космосе, изучать язык аборигенов... а это лет на двадцать как минимум, на изолированной станции с одними лишь киборгами в компании.

С Гилбеном я более практически не общалась, несмотря на то, что была первой, к кому он прибежал, демонстрируя «Полностью оправдан» и возмущаясь тем, что Полиглот его просто подставил и вообще недолголюбивает с тех пор, как мы с Гилом расстались, прямо как папочка, чью доченьку обидели.

Даже комментировать не стала. Мой отец Гилбена бы после такого не просто «недолголюбивал», он бы ему всю рожу разбил, меняя форму черепа раз и навсегда... Но, если честно, я была даже рада, что папа не дожил до момента, когда его дочь, его гордость и любимую девочку, просто использовали.

В любом случае в чем-то Гилбен был прав — его задвинули так далеко в управлении, как только могли. Он старался, сидел на работе по двадцать часов, пахал, как фермерский киборг, с чего-то увлекся энирейским. Язык там был невероятно сложный, приходилось делать операцию, перестраивая горло, чтобы воспроизводить эти звуки, но Гилбен почему-то пошел даже на это, хотя операция была не из дешевых и ему пришлось сменить

флайт с премиум-класса на эконом. Я бы не заметила, но услышала, как кто-то из охраны пошутил, когда спускалась на лифте.

Через год старания Гилбена окупились!

Это было удивительно, это было невероятно, но энирейцы вышли на связь с нашими напрямую и заявили о готовности вступить в Галактический союз. Шок! Просто шок. У нас не было нужных специалистов для работы по сбору данных, не было информации о языке энирейцев в спектре когда-либо, в принципе, изучаемых, и потому он отсутствовал даже в электронных переводчиках. У нас не было ничего — кроме Гилбена.

На чистейшем энирейском, таком, что представители дипмиссии даже заподозрили в нем соплеменника, он произнес, что бесконечно рад их решению и, несомненно, мы готовы сделать все возможное, чтобы совершенный шаг пошел на пользу всем участникам.

И Полиглоту не оставалось ничего иного, как вытащить Гилбена из «подсобки». Гилбен получил кабинет и трех стажеров — парней, шеф страховался как мог. Начались переговоры, Гилбен сиял, как новая кредитка, развил бурную деятельность и трудился больше, чем просили или намекали. Даже спал в своем кабинете, притулив к стене небольшую кушетку и перейдя практически на круглосуточный режим работы.

Но шеф не был бы шефом, если бы однажды не вызвал в свой кабинет двадцатку лучших сотрудников и не поставил бы перед нами задачу повторить появившуюся на экране фразу:

— Гээхътрэкатахгцрвр греякъят эмансшрацгхъ.

Без хирургических изменений голосовых связок повторить в нужной тональности, с нужным звучанием и попасть было нереально. И практически, и фак-

тически. Но все двадцать сотрудников были кадетами S-класса — мы попытались. Прикидывали, тренировались, и дошло почти до игры — мы произносили, программа выдавала процент соответствия. Начали с двадцати процентов, что было вообще ни о чем для спецов нашего уровня, потом пошли цифры: 40, 50, 75. И в итоге сканер вдруг выдал:

— Лея Картнер, идентичность сто процентов.

А в окно пробились первые лучи поднимающегося из-за горизонта солнца. Мы просидели здесь всю ночь с шести вечера, без перерыва на еду и прочее. И всем было интересно до жути.

— Надо будет седьмой язык взять, — произнесла, поднимаясь, Кенна. — Лей, соберешь всю инфу для сканера?

— Естественно, — отозвалась несколько оглушенная осознанием я.

И пока все искренне поздравляли, расходясь по домам, но в основном по кабинетам, я сидела и повторяла фразу: сто процентов, снова сто процентов, опять сто процентов.

— Я был уверен, Герна попадет, — задумчиво отозвался шеф, достав трубку и набивая ее табаком — Полиглот был традиционалистом в вопросах курения. — Она массивная, с гораздо большим диапазоном, чем у всех нас, вместе взятых.

О да, Герна помимо работы еще развлекалась оперным пением, и ее диапазон действительно поражал всех, а музыкальные критики так вообще искренне сожалели, что дива так редко выступает. У меня же способности были средние, и брала я всего две октавы, ну, при большом старании и тренировках, три, но это был мой максимум.

— Итак, — решил подвести итог глава Языкового управления, — минус — ты наивная, Лея, и это факт,

плюс — с Гилбеном ты уже имела дело и знаешь о нем больше других. Что ж, поздравляю, малышка, ты летишь на Рейтан в качестве главы дипломатического представительства.

С искренним непониманием посмотрела на шефа.

— Глазки мне не строй, — грубовато приказал он. — Гилбен рассчитывал именно на это — возглавить дипломиссию, что: а) — принесет ему деньги, которые, кстати, сейчас пойдут тебе, и б) — карьерный рост всегда был его голубой мечтой. Но я еще не забыл тебя и Эрсанну. Подъем, начинай готовиться.

И больше не обращая на меня внимания, он набрал номер внутренней связи и обратился к кому-то по ту сторону экрана:

— Багор, дело есть.

Почему он связался с Багором, я правда вот вообще не поняла — Багор отошел от дел, сейчас его место главы разведуправления занимал прежний король преступного мира, но, видимо, шеф позвонил старому другу по привычке. А может, и не только.

В любом случае я, покинув кабинет начальства, ушла к себе и начала готовиться. Быть представителем Гаэры — это величайшая честь, принести пользу своей планете, собрав информацию о новом мире и языке — честь вдвойне.

Не знаю, как отнесся к ситуации Гилбен, но ко мне он пришел в благостном расположении духа, поздравил с назначением, правда, не особо искренне, и сказал, что возьмется за меня и подготовит наилучшим образом. И он взялся.

До вылета оставалось три недели, поэтому новый язык пришлось учить с ходу фразами, причем теми фразами, которые пойдут в оборот сразу по прибытии. Со-

ответственно, мы начали с приветственных фраз, и меня поразило то, с каким искренним удовольствием Гилбен меня обучает, ему действительно нравилось это, он подошел к процессу с рвением и старанием. И заставлял меня повторять фразы снова и снова, оттачивая до идеального звучания.

И что-то в этом всем сильно не нравилось Полиглоту.

Поэтому через две недели занятий он попросил у торгового представительства Рейтана кого-нибудь для проверки. Представительство прислало милого седого старичка, который выслушал меня с огромным удовольствием, даже щурясь от удовольствия, похвалил и сказал шефу, что все замечательно.

Придаться было не к чему. Сканнер выдавал мне все те же сто процентов, Гилбен утверждал, что у меня природные способности к языку, опять же, представитель дипмиссии... но шефу что-то не нравилось. В результате в один из дней он позвонил мне и сказал:

— У тебя вылет через пять дней, так что на свой кофе в последний понедельник месяца ты не успеаешь. Сходи сейчас.

И отключился.

А я подумала: почему бы и нет?

В итоге сейчас сидела в Эранеспрингс на своем любимом месте у окна и, потягивая кофе со сливками и карамелью, смотрела на город. Гаэра — самое прекрасное место в мире, это особенно четко понимаешь перед отлетом на длительное время. А мне предстояло покинуть планету как минимум на год.

И вдруг воспаленное стремительным изучением сознание ухватило слово «Хрегххгтрц». Искренне удивленная, я повернула голову на звук и увидела двух мужчин, пожалуй, единственных, кроме меня, сидящих в этой

части ресторана с видом на восток. От гаэрцев их отличал более смуглый цвет кожи, совершенно удивительные ярко-синие с алым зрачком глаза и чуть более быстрые движения. И если глаза я еще могла списать на новое всеобщее увлечение кибернетическими линзами, то вот движения вызвали во мне интуитивное опасение, отработанное всем курсом боевых навыков. Гаэрцы так не двигаются. И гаэрцы так голову не поворачивают — сидящий справа мужчина повернулся резко и так стремительно, что я невольно вздрогнула. В его движениях и взгляде просто до привкуса опасности на губах чувствовались враждебность и напряженность.

Я, воспитанная отцом в восточной культуре, которая, как выяснилось, имела массу сходств с рейтанской, безумно смутилась, мгновенно встала, подошла и, поклонившись со сложенными вместе перед грудью ладонями, не поднимая глаз, извиняясь, протарабанила:

— Искренне прошу прощения, сахир, я не желала помешать или прервать несомненно важный для вас разговор. Причина моего пристального внимания заключалась в том, что вы обменялись несколькими словами на энирейском, который я сейчас изучаю, и только. Я повторно искренне прошу простить меня.

И, высказав все это, я собиралась, не поднимая головы, уйти, заплатить по счету и вообще покинуть ресторан, но...

Но сахир самым неожиданным образом вдруг произнес:

— Спину ровнее, руки должны быть менее напряженными, при извинениях допускается смотреть на собеседника, если тот сидит, и... каким образом вы изучаете слова, подобные тому, что в порыве излишней эмоциональности высказал мой подчиненный?